

Антонина Сытникова

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

СТИХИ

Орёл, 2023

ББК 84(2р)6

С 95

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Орловской области*

С 95 Сытникова А.С. Дыхание времени.
Стихотворения. – Орёл: Орловский Дом
литераторов, 2023. – 76 с.

«Дыхание времени» – новая книга стихов Антонины Сытниковой. В ней действительно дышит время, как ушедшее, так и настоящее. Поэта отличает глубокая лиричность и при этом высокая гражданственность, наполненная искренней любовью к родине. Хочется верить, что стихи из этой книги не оставят читателей равнодушными и отзовутся в сердцах и лёгкой грустью, и светлой радостью. Потому что стихи в этой книге так же разнообразны, как и сама жизнь, увиденная глазами автора.

ББК 84(2р)6

ISBN 978-5-9708-1090-3

© А. Сытникова, 20223

© А. Турбин, оформление обложки, 2023

© И. Глебова (Полякова), вступительная статья, 2023

© БУКОО «Орловский Дом литераторов», 2023

ПОЭЗИЯ – ЛИРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Новая книга российской поэтессы Антонины Сытниковой называется «Дыхание времени». Трудно придумать более точное название этому стихотворному сборнику. Просто поэт так устроен: не может только наблюдать и констатировать, не может только радоваться и наслаждаться. Его поэтическое восприятие мира настроено на многоголосие струн: тронешь одну – отзываются другие. Ассоциации, воспоминания, связь времён, дыхание времени... Время, почти осязаемое, с таким живым дыханием проходит, словно само листая страницы: от детских светлых воспоминаний:

*Память, память, вновь подружкою
Забегашь ты ко мне.
Детство. Счастье. Сказки Пушкина.
Я в загадочной стране...*

До воспоминаний о войне – не собственных, но хранящихся в генетической памяти рода:

*Я стою на высоком месте,
Вглубь столетий стремясь проникнуть.
Вижу волны лихих нашествий,
Вижу: люди за правду гибнут...*

*На золотистой отмели
танцуют пескари,
Гусак, надутый важностью,
с гусыней говорит.*

*Здесь временем не тронута
земная благодать...*

Да, это, по сути, лирический дневник автора. А лирика – она многообразна по чувствам, по глубине восприятия мира – от счастья до печали, от травинки до космоса. Такова и лирика Антонины Сытниковой. Это и радость осознавать, как прекрасна твоя родная земля. Но это и строки горького сожаления о том, что не всё на ней совершенно. Не может поэтесса отрешиться от того, что стало болью не только для неё, но и для многих людей в двух таких близких ей странах. Продолжая тему, начатую в предыдущей книге «Ромашковое поле», она с любовью и болью говорит о России и Украине. И находит слова не гнева, а печальных воспоминаний:

*Бузиной зарос мой любимый сад,
Хмель забвения во дворе,
И колодец наш мне совсем не рад,
Ключевой воды не подаст в ведре...
Украина-Русь заболевшая,
И любовь моя и печаль...*

Сегодняшняя социальная среда, в которой мы живём, тревожна, остра и неоднозначна. А значит – уязвима душа каждого человека, она подвергается натиску множества проблем и вызовов. Поэзия – добрая, лирическая, наполненная любовью к родной стране, истории и, в то же время, резко не принимающая зло – это ли не лекарство от социальных потрясений! В одном из своих стихотворений поэтесса даёт простой и точный рецепт излечения болезней социального организма:

*Спотыкалась, падала, поднималась заново,
В черноте пугающей проступали заревом
Горизонты светлые и надежды новые.
Даже если прятались в них венцы терновые,
Шла вперёд и верила – в жизни всё устроится,
Постараться надобно сохранять достоинство.*

Многообразна тематика «лирического дневника» Антонины Сытниковой. И лирика её далеко не аполитична. Иногда – откровенно-жёсткая, но всегда искренняя и правдивая. Как, например, в стихотворении «О, сколько песен спето о Париже!» Сразу вспоминается знаменитая фраза Ильи Эренбурга «Увидеть Париж и умереть». Но, увы, совсем другие чувства переживает поэтесса. И правдиво говорит об этом. Потому что правдивость – это суть поэ-

зии. Невозможно объяснить, но строки, наполненные образами, выстроенные в ритмический рифмованный рисунок, не позволяют скрыть чувства, мысли, пристрастия, даже просто характер своего автора. Вот и получается стихотворение о Париже, в котором «дух, увы, уже давно исчез».

Не знаю, случайно так вышло или нет, но сразу после цикла стихов о современной Франции, стоит, завершая книгу, мини-поэма «Завет любви и красоты сердечной». Это тоже – Россия и Франция, но времён Ивана Тургенева и Полины Виардо. Спасское-Лутовиново – имение Тургенева, и замок Куртавнель – имение Виардо... Что ж, поэтесса много лет живёт в Орле – в Тургеневских местах...

Хотелось бы мне ещё процитировать особенно понравившиеся строки из стихов Антонины Сытниковой, из мини-поэмы. Но оставляю это читателю: равнодушному, правдолюбивому, умеющему чувствовать и сопереживать.

*Ирина Глебова (Полякова), член Союза писателей
России, член Национального союза писателей Украины
Харьков*

* * *

Легче дышится, легче пишется
В дни Рождественского поста.
Песня горняя лучше слышится
Над белёным холстом листа.

Над белёными снегом нивами,
Над осколками хрусталия,
Когда свежими и красивыми
Стали небо вдруг и земля.

И висит луна спелым яблоком
Меж гирлянд изумрудных звёзд,
Греет душу мне время зябкое
В окружении белых грёз.

* * *

Застилала матушка пол кугой на Троицу,
Говорила: «Милая, в жизни всё устроится».

Стали слёзы детские светлыми росинками,
И в оградке маминой расцвели барвинками.

Старше мамы стала я, жизнь была пятнистою,
В передрягах всяческих помогали выстоять

Те слова, что слышала в утешенье в детстве я,
Прибавляли стойкости, заставляли действовать.

Спотыкалась, падала, поднималась заново,
В черноте пугающей проступали заревом

Горизонты светлые и надежды новые.
Даже если прятались в них венцы терновые,

Шла вперёд и верила – в жизни всё устроится,
Постараться надобно сохранять достоинство.

* * *

Яблоки под сеном в дедушкином доме –
Сладкая отрада детства моего.
Вспомню, и отступят горькие изломы
Жизни повседневной полувековой.

Ограждая душу от неясных бедствий,
Сгинет безвозвратно сонмище тревог.
Успокоюсь снова, и, совсем как в детстве,
Очарует сердце сказок волшебство.

Их порою зимней на уютной печке
Сочинял для внуков дедушка Прокоп.
И в минуты эти жизнь казалась вечной,
С множеством открытых и дорог и троп.

И пускай за дверью было ясно слышно –
Заметает вьюга тропы во дворе...
Чудо сохранялось наверху под крышей,
Яблоками пахло сено в январе.

* * *

Дети по свежему снегу
Бегают в зимнем саду,
В шумном восторге с разбегу
Множат следов череду.
Я из окна созерцаю
Первую радость зимы.
В памяти вспышки мерцают,
Прошрое из полутьмы
Вдруг выплывает. Я в детстве,
Радостью светится день.
Рядом кутёнок соседский
Лает на белый плетень.
Ночью от первой пороши
Преобразилась земля.
Снег прилипает к галошам,
Валенки вмиг тяжеля.
Память с любовью сегодня
Ловит ушедшего тень.
Дети как птицы трезвонят,
Полнится радостью день.

* * *

Память, память, вновь подружкою
Забегашь ты ко мне.
Детство. Счастье. Сказки Пушкина.
Я в загадочной стране
Лукоморье. Наша яблоня
Ржавой цепью обвита.
Служит дубом. Вся обмякшая,
Кошка Мурка за кота
Напеваёт сонно песенки
О неведомых краях.
Вдруг рванула вверх по лесенке,
Заприметив воробья.
Сорвалась. Ну что с виновника
В этом случае взыскать.
Под большим кустом шиповника
Стала жизнь свою искать.
Я зову её, кис-кискаю –
Рвётся сказочная нить.
Бесполезно. Даже мискою
С молоком не соблазнить.
Захватив сачок по случаю,
К речке Сасенке бегу.
Сказка новая под кручею
Ждёт меня на берегу.
Золотая рыбка плавает
Там в воде наверняка.
И мерцает свет опаловый
У неё на плавниках.

А вдоль берега заросшего
Ходит Дядька Черномор.
Быт врывается непрошено –
Это ж наш сосед Егор
Гонит в вершу рыбу разную,
Карасей да пескарей,
(То-то будет кошка праздновать!)
Я бегу к нему скорей,
Набираю мелочь рыбную,
Запыхавшись, мчусь домой...
Кошка сытая мурлыкает –
Притомилась кутерьмой.
День счастливый, летний, сказочный
Не иссякнет никогда,
Оживать картинкой красочной
Будет в памяти всегда.

* * *

Как стали мне сейчас близки
Глубокой осени приметы –
Дожди безжалостно-хлестки,
А дни хранят всё меньше света.

Всё ниже гнутся под дождём
Полунагих деревьев ветки,
И ветер яростно крадёт
Остаток малый листьев редких.

Не так ли наша жизнь течёт:
Чем глубже осень, тем быстрее
Считает дни наперечёт.
И каждый день грозит потерей.

Уходят близкие от нас
В небытие всё чаще, чаще...
И тает радости запас
В сосудах душ слезоточащих.

Остатков прошлого тепла
День ото дня в природе меньше,
Но согревают два крыла
В реальности похолодевшей.

И милосердие Его
Даёт надежду на спасенье.
Грядущей жизни торжество
Таится в стылости осенней.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК

Снег невесомый так редко и медленно
Падает с неба, словно во сне.
День удивительный, нежный, безветренный,
Стелет холстом свежевывавший снег.

Чтобы земля к величайшему празднику
Стала красивой, как никогда.
Полнится сердце снежной радостью –
Скоро взойдёт на востоке звезда.

Первым лучом пробежится по маковкам
Над куполами неспящих церквей.
Может, мне грешной достанется капелька
Света живого, чтоб стали живей

Вера моя и любовь изначальная,
Радость и нежность в бессмертной душе.
А неприятности, даже случайные,
Жизни моей не касались уже.

Может для этого тихо, торжественно
Сыплется сверху ангельский пух,
Чтоб, в красоте растворившись божественной,
Мы открывали хорошему слух.

* * *

Музыка –
Слово родившее звук?
Звуком рождённое слово?
Множества творческих мук
Музыка первооснова.
В ней вдохновенья каскад
Ищут поэт и художник,
Россыпью быстрых токкат
Музыка душу тревожит.
Вторит ей гром вдалеке.
Ближе, в родном интерьере,
Хлопают на сквозняке
Полуоткрытые двери.
Плечи укутать быстреей
Шарфиком из кашемира,
Сердцем услышать остреей
Музыку бренного мира.
Грезить о мире ином,
Здесь оставаясь, и снова
В песне дождя за окном
Выудить нужное слово.

* * *

Композитору Е. П. Дербенко

Всё в музыке твоей и тайна и полёт.
Она, то ластится и нежно льнёт
К моей душе, то вдруг в надзвёздной выси
Объединяет в целом звуки, мысли,
И снова жизнь гармонией полна.
Огнём неопалимым Купина¹
Пленяет сердце и зовёт в дорогу
К тому далёкому и близкому порогу,
Где всё любовь. А радость и печаль,
Подруги вечные, касаясь невзначай
Сердечных струн, творят мотивы жизни
От вздоха первого до смертной тризны.

¹ Купина неопалимая в православии – символ Богоматери.

* * *

В судьбе России – музыка гармоней,
Её глубинный культовый мотив.
Гармонь живёт не в вычурном салоне.
Всю гамму жизни в звуках воплотив,
Она вмещает русские просторы,
Историю накопленных веков,
Морозные изящные узоры
И шёпот заповедных родников.
Дубов могучих грозное ворчанье
И песни белоствольные берёз.
Гармонь собой без усталы венчает
Разливы счастья и потоки слёз.
О, сколько раз она спасала души,
В отчаянье не позволяя впасть.
А что сейчас? Её напевы глушит
Технических нововведений власть.
Приходят в жизнь теперь совсем другие
Далёкие и близкие шумы.
Но вдруг пробьются звуки дорогие –
Гармони русский голос слышим мы.
Неважно где – на улице, под крышей
В концертном зале или у пруда,
В руках затейливых гармошка дышит
Святой любовью к родине всегда.

* * *

Покажи мне сегодня город,
Что знаком одному тебе,
Где ты в детстве катался с горок,
Где дома в кружевной резьбе
Утопали весной в сирени.
Аромат сладковатый плыл,
Под кустами таились тени
Устоявшейся полумглы.
И дарили воображенью
Вдохновенный цветной разбег.
Зрело мысленное брожение,
Чтобы выплеснуться в судьбе
Свежим соком созревшей вишни,
Что разбрызгивал летний день.
Становилась, как ртуть, подвижной
Живописная светотень.
Превращалась в стихи и прозу
И текла на бумажный лист,
Под художественным гипнозом
Изменялась реально жизнь.
Покажи мне свой город детства,
Я хочу по нему пройти.
Пусть он станет мне тоже средством
Одоленья преград в пути.

* * *

Стрелка Орлика и Оки
Прежних дней открывает дали.
Были воды здесь глубоки,
Издалёка суда встречали.

Обмелела Ока с тех пор,
Дышит зрелостью и покоем,
И купцов заполошный хор
Не разносится над рекою.

Только утки сейчас галдят,
Когда их горожане кормят,
Где искусственный водопад
Под мостом через тихий Орлик.

Я люблю приходить сюда,
Где сливается воедино
Двух аорт городских вода
И мерцает ультрамарином.

Где подспудно хранит Орёл
Тайны древние и не очень,
За столетия приобрёл
Город сонмище многоточий...

Проявляется вразнобой
(То ли грезится, то ли снится)
Чья-то радость и чья-то боль
На дрожащих Оки ресницах.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ОРЁЛ

Встретимся на улице Лескова,
Вспомним Голована и Левшу.
И уйти от шума городского
Я без промедленья соглашусь.
Незаметно, в дружеской беседе,
Чуть ли не полгорода пройдем.
Здесь литературное наследье
Благодатным вылилось дождём.
Может быть, столкнёмся мы случайно
С кем-то из лесковских чудаков.
Странник очарованно-печальный
Промелькнёт в толпе – и был таков.
К Орлику извиистой дорожкой
Выйдет «несмертельный Голован».
Ты возможно скажешь: «Это в прошлом.
Время наше мелет в жерновах,
Меж камней неверия и страха,
Высшее призвание души.
И отдать последнюю рубаху
Ближнему никто уж не спешит».
Ты и прав, но и не прав, конечно.
В неизбывно-пёстрой суете
Современник к милости сердечной
Не развил системных антител.
Верю, «несмертельных Голованов»
Всё ж рождает русская земля,
Кажется порой, немножко странных,
Но как раз они определяют

Путь дальнейший – чище и прямее.
И скажу тебе, как на духу:
Новые Левши ещё сумеют
Подковать английскую блоху.

* * *

Возвращайся в Орёл, здесь сиреневый май
Наполняется светом и счастьем.
Возвращайся в Орёл, и в сиреневый рай
Не ворвётся лихое ненастье.

Будем пить на заре из посуды одной
Благодатный сиреневый воздух,
И шепнёт нам Ока серебристой волной:
«Ничего в этой жизни не поздно...».

Мы поверим – и впрямь, открывает глаза
Говорливое жаркое лето.
И не скоро ещё, краски жадно слизав,
Осень встретит потерянными цветом.

И не скоро ещё, холодна и горька,
На судьбу понесётся пороша.
Это, может быть, будет – потом, а пока
Возвращайся в Орёл, мой хороший.

* * *

Картину дня укрась душистой розой,
Картину ночи – веткой чабреца,
Чтоб смутных снов причудливые грёзы
Объединяли в целое сердца.

Чтобы, сорвав сужающие шоры,
За горизонт неведомый маня,
Лучистым солнцем сквозь ночные шторы
Смотрело утро завтрашнего дня.

* * *

Как живётся вам с простою...

М. Цветаева

Ну и что бы ты делал с простою?
Может, мимо прошёл, не затеплив глаза?
А теперь вот узнал – мира целого стоит
Обронённая утром росинка-слеза.

А теперь вот узнал, как поёт на рассвете
Обнажённого сердца виолончель,
Как становится взгляд потрясающе светел
От танцующих в нём светозарных лучей.

А теперь вот узнал, отдирая коросту
Накипевших привычек и суеты,
Пробиваются в жизнь своенравно, непросто,
Обновлённые чувства...

надежды...

мечты...

* * *

Лелея зёрнышко мечты,
Ждала, ждала прихода мая,
В котором солнце, свет и ты
И радость землю обнимает.

Прошёл июль. О чём мечтать?
Спешит уже к закату лето,
Его безудержная стать
Полдненным зноем разогрета.

На ярких чувственных губах
Алеет сладкая малина.
Полынью горькою пропах
День бесконечно длинный-длинный.

Срывает яблоки в саду
Упругий ветер с тонких веток.
Чтоб разогнать твою беду,
Самой бы стать всеильным ветром.

Шепнуть в рассвет: ты подожди,
Я прилечу, я всё устрою,
В охапку взяв с собой дожди
С водою мёртвой и живою.

* * *

Мимолётная встреча,
Память пристальных глаз,
Неожиданно вечность
Посмотрела на нас.
Мы встречались, наверно,
Где-то очень давно,
На развилках вселенной
Это было дано.
Где другие планеты
И другая звезда,
Частью белого света
Там мы были тогда.
Странной негой объаты,
Мы впивали покой
И вот этой утраты
Не желали земной.
Но при встрече сегодня
Молча мимо прошли,
И всё дальше разводит
Нас полоска земли.
Взгляд Ваш зримо напомнил
Свет, покой и любовь.
Странный мой незнакомец,
Где мы встретимся вновь?

ДИАЛОГ

– По странному кругу
Хожу и хожу,
Уснувшую выюгу
Душой сторожу.
Всё так же, как прежде,
И вроде не так.
Меняется нежность
На медный пятак.
Манила судьбою
Глазастая даль,
Но было с собою
Расстаться мне жаль.
Смеялась, шутила,
Звала всё вперёд,
Но мне не хватило
Отваги, и вот –
Забыт я брошен
Мечтою своей.
Тяжёлою ношей
Рука на столе.
– Тяжёлою ношей
Рука на столе,
На плечи наброшен
Усталости плед.
Я взглядом касаюсь
Застывшей руки
И всё вспоминаю,
Как были легки,

Прозрачны движенья
И пристальный взгляд.
И жду возвращенья
По кругу назад.

* * *

Всё это было, было, было,
Не в первый раз пришла весна.
Волною света окатила,
Лишив покоя нас и сна.
Не в первый раз земля проснётся,
И в синеву открытых глаз
Вдруг солнце утром улыбнётся
Не в первый раз, не в первый раз.
Случайной встречи радость снова
Тревожных дум не заглушит:
Не ново всё это, не ново –
Зима метелью закружит.
Но я опять забыть готова
Печальный опыт прошлых лет.
Не ново всё это. Не ново?
Да нет, бунтует сердце, нет!
И на пороге звездопада
Вдруг так захочется сбегать
Таинственную ясность взгляда
И предсказуемость случайных встреч.

27 ЯНВАРЯ 2019 ГОДА

Красиво как! В одежде белой
Земля невинна и чиста.
Но сердце болью застарелой
Споткнулось вдруг.... И неспроста.
День омрачён злосчастной встречей
Намеренно прервавшей жизнь
В тот самый час, когда под вечер
Злодейство с Гением сошлись.
И было снега так же много –
Мело безудержно всю ночь.
Но оговор торил дорогу,
И не могло уже помочь
В то время ничего Поэту,
Певцу отеческой земли.
И даже скверные приметы
Тогда на помощь не пришли.
Искал ли сам азартно смерти
Или такой была судьба,
Когда в жестокой круговерти
У Чёрной речки он упал.
Так долго пулю с едким ядом
Ему готовил высший свет
Из плохо скрытых переглядок,
Насмешек, сплетен и клевет.
Кто был заправским дирижёром
Столь унижительной игры?
Так просто было тонким флёром
Убийство подлое прикрыть.

Карета мчалась, на ухабах
Рвалась свинцовой болью плоть...
Беду вселенского масштаба
Нельзя ничем перемолоть.

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

Над Зушей безмятежные туманы
Надёжно прячут прошлого следы.
И только выпи резкий крик и странный
Таит переживание беды.

И заставляет гулко биться сердце
И вспоминать минувшие дела.
В былое время здесь и по соседству
Жизнь не одна загублена была.

Не приведи Господь кому под вечер
От дома оказаться вдалеке,
Где, ужас наводя, свистит не ветер,
А Соловей-разбойник в глушняке.

И леди Макбет Мценского уезда,
Не отыскав разумного пути,
От края разверзающейся бездны
Не хочет и не может отойти.

Всё потому, что верить, иль не верить,
Но магией окутаны места,
Где сонмище языческих поверий,
И Кукшу где убили неспроста.

А выпь кричит взволнованно в тумане
О канувших в безвременье давно.
И безмятежность Зуши не обманет –
Здесь утонуть совсем немудрено

Во времени-реке, что неустанно
Стремиться вдаль и остаётся тут.
И возле Зуши в мареве туманном
Все дни былые явственно живут.

**ИЗ ВЕКА В ВЕК
В СИЯНИИ СВЯТОМ**

(диптих)

1.

Отечество моё, пресветлая Россия!
Была великой ты – теперь не такова.
По штормовым волнам судьбой тебя носило
Или разящей силой злого колдовства?

Где сыновья твои, увенчанные славой?
Я вижу скопище бесстыдно жадных ртов.
Как много стало тех, кто торговать державой
Сейчас за сребреники грязные готов.

И разорвать в клочки оставшееся платье,
И растащить его – себе, себе, себе...
Россия, милая, ну что же ты так плачешь?
Ты побеждать должна – пусть вопреки судьбе.

А впрочем, я о чём? Твоя судьба – Победа.
Всегда так было раньше, будет и потом.
Источник сил твоих врагами не изведен –
Из века в век в Сиянии святом.

2.

Из века в век в Сиянии святом
Хранители отечества и правды.
Кто защищать пошёл родимый дом,
Тот навсегда пред Богом был оправдан.

Кто о себе самом забыл в бою,
Товарища от пули закрывая,
Тому Осанну ангелы поют,
Почёт и славу вечно воздавая.

Твои, Россия, воины сейчас
Должны стать лучше, чище и... умнее,
Чтобы в любой грядущий день и час
Могли беречь всё то, что мы имеем.

Чтоб никакие впредь «учителя»
Не разводили на пустой мякине.
Благословенна отчая земля.
И с нами Бог. И Бог нас не покинет!

С БЕЗВРЕМЕНЬЕМ НАЕДИНЕ

Сквозь боль и опыт, кровь и ужас
Победа силилась взойти,
Страна, вдруг стойкость обнаружив,
Старалась перекрыть пути
Врагу-садисту. Мир терзая
Тот сеял, сеял смерть вокруг.
И, когти в каждый метр вонзая,
Был многоног и многорук.

Мой дядя не успел увидеть
Освобождённый отчий дом.
Он, не умевший ненавидеть,
Был жгучей яростью ведом,
Когда бросал свой танк бесстрашно
В заведомо неравный бой,
В кулак зажав и стыд вчерашний,
И нескончаемую боль.

Тогда же снилось: утром мгlistым
Он трактор в поле выводил.
Хлопок, почти такой как выстрел,
Тревогой смутною будил
Округу мирную. Над липой
Взмывали мрачные грачи
И с высоты грозили хрипло,
Направив вниз носы-мечи.

И лишь команда: «По машинам!»
Сон не давала досмотреть.
И снова – твёрдая решимость
Бой принимать сейчас и впредь.
Теснить врага и не сдаваться,
Освобождать за пядью пядь,
И может всё-таки дожждаться
Возможности родных обнять...

Не знаем даже где могила.
О, сколько их, таких как он,
Земля навеки поглотила,
Развеив след, как смутный сон.
И только в память о минувшем,
С безвременьем наедине,
Мерцают в небе искры-души
Погибших в праведной войне.

* * *

Орловскому десанту 1956 года
посвящается

Не считали себя героями
И не ждали тогда наград –
Под Иркутском орловцы строили
Город Шелехов, город-сад.

Комсомольцы Орловской области
Жили, верили в чудо так,
Что из тысячной их общности
Вырос стройки большой костяк.

Вечерами звучала ливенка,
Развлекая собой тайгу,
Когда осень играла ливнями,
И тонула зима в снегу.

А весной тополя и яблони
Привыкали к иной земле.
Северянами став заядлыми,
Тихо грезили об Орле.

Ну а люди «матаню» громкую
Распевали, пускаясь в пляс,
Выполняли работу ёмкую,
Дружно с трудностями борясь.

В неизведанность, в поле чистое
Отправлялся Орла десант,
Где позднее завод был выстроен
И красивейший город-сад.

* * *

Северному району
города Орла 20 лет

Такие, верите, дела...
Деревья даже подтвердят –
В районе Северном Орла
Живу я двадцать лет подряд.
И верю давнему родству
В общежитейском багаже.
А, впрочем, я ведь здесь живу
Неполных сорок лет уже.
О, юность, юность! Вот же, вот...
Как близко ты и далеко!
Гремел победами завод
И был на карте городской
Тогда, завода плоть и кровь,
Единственный микрорайон.
Давал работающим кров,
Был в этом плане – чемпион.
А ровно двадцать лет назад
Обрёл вдруг новые черты,
Сталепрокатного детсад
Покинул, чтобы стать на ты
С другими в городском ряду.
В переизбытке куража
Поймал заветную звезду
И стал расти, как на дрожжах.
Дерзай, мой Северный район!
Тебе всего лишь двадцать лет.
И на папирусе времён
Пускай останется твой след.

* * *

*Музею Северного района
города Орла*

В любом музее памяти страницы
Пытливый ум листает не спеша,
А здесь уже пятнадцать лет хранится
Района Северного память, и душа.

Из документов, фото и преданий
Глядит текущий и прошедший век.
И в круговерти встреч и расставаний,
Зайди сюда, спешащий человек.

Узнаешь, что ещё до нашей эры,
Представь себе, Прокуровка была.
Здесь жил, работал и во что-то верил
Далёкий предок жителей Орла.

И, если осознать такие сроки,
Мы проживаем только краткий миг.
Но у района дел немало громких,
И есть музей, он многого достиг.

Пусть новый век творит свои законы,
Стремительно меняется страна,
Музей живёт и, может быть, запомнит
На всякий случай наши имена.

* * *

*«Знать клад нашли ребятушки
И делят меж собой...»*

Н. Некрасов

Сметливые ребятки сошлись тайком однажды,
Решили вместо клада отчизну поделить.
Толкаются друг с другом, как будто – распродажа,
И нужно поскорее обновку ухватить.
Не сразу согласились по поводу раздела.
Подрались, помирились и сели пировать.
А родина осталась – разута и раздета –
Над бедами своими стенать. И горевать.
Где верх берут пороки – тщеславие и жадность,
Там точно затаилась иудина змея.
Ну где ж вы заблудились, и Минин, и Пожарский,
Неужто не дождётся вас русская земля?!

У ПАМЯТНИКА ВОИНУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ

Село Дерновое,
Сумская область, Украина

*В годы Великой Отечественной войны погибло 116
моиходносельчан. В их числе: 32 – Давыдовы, 23 – Басовы,
14 – Бобровы. Все они в той или иной степени мои род-
ственники, в частности, среди погибших два родных
дяди – Давыдов Тихон Прокофьевич и Давыдов Михаил
Прокофьевич, и муж моей тётки – Басов Ефим Иванович.*

Здесь когда-то, над этой кручей,
Диким тёрном заросшей плотно,
Встал мой предок стопой могучей
Основательно и добротню.

И Давыдов, Бобров и Басов
(Три фамилии – три опоры),
Как герои былинных сказов
Выходили с врагами «спорить».

Защищали родную землю,
А потом возвращались в поле
И, наказу природы внемля,
Там работали до мозолей.

Я стою на высоком месте,
Вглубь столетий стремясь проникнуть.
Вижу волны лихих нашествий,
Вижу: люди за правду гибнут...

Озираюсь. Солдат склонился,
Возлагает венок погибшим.
Вьются вороны скорбных мыслей –
Вдруг он станет однажды лишним.

Больше ста человек на плитах
У подножия обелиска
Перечислены мелким шрифтом.
Третий – Давыдовы в этих списках.

Я – Давыдова. Предки славой
Не единожды род венчали
И гордились своей державой.
Что ж терзают меня печали?!

Над Украиной зловещим дымом
Флаги чёрные яро вьются.
Как такое стерпеть родимым,
Как в гробу не перевернуться?

А стервятники смотрят хищно.
Их добыча – сама Победа.
И всё чаще и громче слышно
Словоблудье на грани бреда.

Но пока сохраняют люди
Свою память хотя бы где-то
Будет вера и правда будет
Пробиваться лучами света.

И Давыдов, Бобров и Басов,
У небесного встав редута,
Неизбывным боезапасом
Защищать свою землю будут.

МАТЬ

*Памяти моей бабушки
Давыдовой Домны Стефановны
Посвящается*

Три сына, три богатыря
Ушли на фронт в годину лиха,
Лишь только теплилась заря,
Пред образом молилась тихо.
Надежду берегла внутри,
Как негасимую лампаду,
Чтобы домой вернулись три –
Все три её родимых чада.
В том, леденящем кровь, году
Жила мечтами и под спудом
Пыталась удержать беду –
Ей так хотелось верить в чудо.
И всё же сердце обожгли
Две «окаянные бумаги».
Рыдать бы надо – не могли
Глаза излить целебной влаги.
Душа, как с трещиной скудель¹,
Сочилась горечью полынной.
И бездна страха каждый день –
До самой встречи с младшим сыном.

¹ Скудель – глиняный сосуд.

НЕВОЛЬНИЦА

От снимка слегка помятого
Вдруг словно током ударило.
Былое клубится матово,
Колышется зыбким маревом...
На фотографии маминой
Нашивка-клеймо на лацкане,
А в жизни, войной израненной –
Печать воистину адская.
Была по доносу близкого
Фашистами утром схвачена,
И подлость людская низкая
Ценой пяти лет оплачена.
Как в лагере прусском выжила,
Не в силах была рассказывать.
Хранима силами высшими
Невольница ясноглазая.
Согласно распоряжению
Учительница советская
Отправилась в услужение
К землевладельцу немецкому.
Казалось, на веки вечные
На плечи ещё девчоночьи
Лёг ношей нечеловеческой
Труд рабский с утра и до ночи.
Но молодость жизнью полнится.
В глубинах немых отчаянья
Отыскивала невольница
Отраду подчас случайную.

Бывало, хозяйка добрая
Учила её вязанию,
И пища была съедобная,
И мягкими наказания.
Но мерой какой измерится
Та боль, что терзала сердце ей.
Оставила дома первенца,
А было ему – два месяца.
Ночами порой «хоть волком вой»,
Терзала тоска-попутчица –
Обрушилась жизнь обломками,
Собрать уже не получится.
И в мутной воде смятения
Не высмотреть жизни будущей...
Пройдя сквозь проверок тернии,
Приняв это сердцем любящим,
Однажды, поправив локоны
И образу соответствуя,
Придёт опять на урок она –
Учительница советская.

ПЛАЧ С ДНЕПРОВСКИХ БЕРЕГОВ

Бузиной зарос мой любимый сад,
Хмель забвения во дворе,
И колодец наш мне совсем не рад,
Ключевой воды не подаст в ведре.

Чтобы свежую и кристальную
В дом родительский принести,
Насмотреться всласть в гладь зеркальную,
И любимому протянуть в горсти.

Но как быть теперь, если дома нет,
Не увидела даже стен.
От фундамента лишь неясный след,
Да и тот попал в повилики плен.

Одна печь стоит посреди двора,
Смотрит истово на восток.
Только долго ли? Из её нутра
Уже лезет вверх бузины росток.

Я к родителям на погост пойду,
В пояс низко им поклонюсь.
Не сумели мы отвести беду,
Убивают вновь здесь большую Русь.

Гаснет исподволь свет сознания,
Свой язык теперь стал чужим,
И в кликушеских заклинаниях
Уж который год полстраны блажит.

«Не Россия мы!», «Мы не русские!» –
Гвалт из каждого «утюга».
Оплетает мир ложь стоустая,
Но как прежде всё ещё дорога

Украина-Русь заболевшая,
И любовь моя и печаль.
Измордована вдосыть лешими,
Мне другой является по ночам.

Там баюкает синь прозрачная
Желтизну купав на пруду.
И гнездо таит щель чердачная,
Где птенцы голодные ждут еду.

Может ласточки мне дадут совет,
Как избавиться от вины,
Распахнуть окно утром в Божий свет,
Если дома нет, впрочем, нет страны,

Что дарила всем ширь безбрежную
И безмерную глубину.
Сердце полнится грустной нежностью –
Не забыть ушедшее, не вернуть.

Скоро стану здесь я чужой совсем,
Если только – веря судьбе –
Украина, заново обрусев.
Не осилит путь, путь к самой себе.

* * *

Ну, здравствуй, Харьков. Я рада встрече,
А ты, скажи мне, ей тоже рад?
Тогда зачем же, как можно крепче,
Ты вяжешь сети сплошных преград.

Здесь моя юность живёт как прежде
В тенистом парке и на Сумской¹,
И вновь девчонкой в цветной одежде
Вдруг исчезает в толпе людской.

А пограничник своим «допросом»
Отрезать хочет от жизни часть,
Угрюмо ставит силки вопросов,
Я усмиряю рассудком страсть.

Внутри клокочет негодование,
Но улыбаюсь – «держу лицо».
В душе, на «мове» национальной
Клянусь безбожно всех подлецов.

Разъединило страну на части
Однажды разных мастей жульё,
Плодов Майдана ползёт ненастье
И сеет морок и забытьё.

Змеёй кусачей лежит граница,
Без церемоний не перейти.
Хочу вздремнуть я – пускай приснится,
Что больше нет мне преград в пути.

¹ улица Сумская в Харькове.

В ДОРОГЕ

Очарованное безмолвие
Серебристо-белых полей,
Набегают пригорки волнами,
Тянут лёгкой позёмки шлейф.

Вдаль посмотришь, и вдруг поверится –
Пух из ангельского крыла.
В это время когда-то первенца
Богородица родила.

О, свобода, любовь, печаль моя,
Как близки вы в такие дни!
Устремляется вдаль венчальная
Величавая песнь равнин.

* * *

Так хочется верить, что может быть снова,
Когда-нибудь снова приеду туда,
Где от вдохновения ветра шального
На мыс Белый нос налетает вода.

Украсив себя перламутром роскошным,
Опять проявляет извечную суть,
Закручена вниз буруном суматошным,
Старается сразу в пролив ускользнуть.

Чтоб, в целое слившись с опаловым небом,
К английскому берегу страстно припасть.
Подобно неистовым водным набегам
Владела людьми вековечная страсть.

И воды пролива стремились разрезать,
Не раз и не два, те, кто дерзок и смел,
С той самой поры, когда Гай Юлий Цезарь
Впервые когда-то Ла-Манш одолел.

Лишь в веке двадцатом поставлена точка,
Пред дерзостью мысли бессильна вода,
В тоннеле глубоком теперь днём и ночью
От берега к берегу мчат поезда.

В СОБОРЕ СВЯТОГО ПАВЛА В ЛОНДОНЕ

Под куполом великого собора,
Где властный ветер яростен и туг,
Вдаль раздвигая рамки кругозора,
Простор земной захватывает дух.

А главный архитектор мира – Время
Сплавляет в тигле жизней колорит.
Для Рима гордого пустое бремя –
Был вытеснен отсюда древний бритт.

Лондиниума четкие границы
Легионеры размечали тут.
И той поры печать – стена хранится
И права римского статут.

Но у развития свои барьеры.
И рухнул Рим, наверно, неспроста.
Не эти ль самые легионеры
Стояли у распятия Христа?

* * *

Домов ухоженная сытость,
Газонов стриженный уют,
Благополучная закрытость
В туманы спрятанном краю.

Здесь даже голуби другие –
Откормленные каплуны.
Наотмашь бьют дожди тутие
Всех виноватых без вины.

И плачет в садике берёза.
О чём? Неужто о Руси?
Летят с ветвей дождинки-слёзы,
И шёпот: «Господи, спаси...»

Теряется в невнятном шуме
Сплошного колкого дождя.
Стихия водная бушует,
Невольню душу бередя.

И проступает смутной тенью
Тернистый путь моей страны,
И затаённое смятенье
Ползёт из вещей глубины.

В незримый ряд встают вопросы.
Ищи ответы – не найдёшь.
А за окном берёзки косы
Полощет беспощадный дождь.

Полощут столь же беспощадно
Россию в мире там и тут,
И обвинения нещадно
Клеймом калёным душу жгут.

Но где-то теплится лампада
Молитвой вечной о Руси,
И, как высокая награда,
Приходит – Господи, спаси

Страну мою от злых наветов.
Её ли в том сейчас вина,
Что вновь на грани тьмы и света
В который раз стоит она.

* * *

Вновь стою на краешке обрыва,
Знойный ветер дышит горячо,
Кто-то рядом усмехнулся криво,
Будто невзначай толкнул плечом.

Не сорваться, устоять как прежде.
Отступить от края и опять,
Не теряя веры и надежды,
Взором необъятное объять.

И в судьбе страны, как отраженье,
Разглядеть свою судьбу сполна –
Так же вызываю раздраженье,
Спрашиваю: «В чём моя вина?!»

О, Россия, вещая подруга,
Что ж тебе покоя не дают.
Словно из очерченного круга
Отражаешь ты словесный блуд.

А вокруг толпятся вурдалаки,
Норовят проникнуть за черту.
В глубине, в зловещем полумраке,
Кто-то в нужный час кричит: «Ату!».

Налетает алчущая свора,
Чтобы разорвать в который раз,
Заклеймить позорным приговором,
Выполнить проплаченный заказ.

Остаётся только страстно верить –
Не растащит всё заправский тать.
И однажды горькие потери
Смогут обретениями стать.

НА РОДИНЕ ШЕКСПИРА
(сонет)

О, Стратфорд славный – родина Шекспира!
Могла ли я мечтать когда-нибудь,
Что, пролетев почти что четверть мира,
Смогу твой воздух благостный вдохнуть.

И, прикоснувшись к гения истокам,
Здесь загадать под утренней звездой,
Чтобы ко мне всегда стремились строки
Такой же неуёмной чередой,

Какой они к великому поэту
Спешили в строй лирических сонетов,
Сплетая мыслей вечных волшебство.

Иль, освещая жизненные темы,
Укладывались в пьесы и поэмы,
Бессмертным имя делая его.

ДИЖОН (ПО СЛЕДАМ СОВЫ)

*Сова – символ города, и все
экскурсионные маршруты
отмечены указателями, ведущими
к барельефу совы на одном из домов*

Ну как мне вырваться из плена
Следов оставленных совой –
Средневековья феномена
На мозаичной мостовой.

Влекут загадочные стрелки
В какой-то странный древний мир,
Где в ряд стоят дома-фахверки¹
И во дворе звучит клавир.

А флаги улицы Свободы
Всегдашний праздник создают.
Накрапы лёгкой непогоды
Не отменяют тот уют,

Что покори́л мне сердце сразу.
И я во времени плыву
И, отключив на время разум,
Ищу на улицах сову.

Теряясь в сумраке туманном,
По кругу – новые следы.

¹ *Фахверк* – тип строительной конструкции.

И так легко прослыть гурманом
В краю изысканной еды.

В кафэшке тихой и опрятной
Хлеб-соль чарующей земли.
К улиток порции изрядной
Здесь подают бокал Шабли.

* * *

О, сколько песен спето о Париже!
Разносится над всей планетой звон.
Париж, Париж!.. И что же я тут вижу –
Мигранты, пыль, от грязной Сены вонь.

И крысы поразительно большие
На променады выходят не спеша.
Они ль цивилизации вершина?! –
Заходится от ужаса душа.

И толпы разноликих экскурсантов,
Имеющих отменный аппетит.
Со скоростью напористых десантов
Готовы артефакты поглотить

Собора Нотр-Дам, полей и Лувра,
И прочих нашумевших модных мест,
В которых сохраняется фактура,
А дух, увы, уже давно исчез.

Над ценностями главными когда-то,
Определявшими и путь и цель,
Теперь витают тени халифата,
Разруха и раздор глядят в прицел.

И демонстрируя былую гордость,
О прошлом помня и его любя,
Живёт под гнётом современный город –
Париж, поработивший сам себя.

* * *

Прости, Париж, но Лилль понравился мне больше,
Он бережёт свою нордическую суть,
Когда другие под напором разных новшеств
Готовы в этих новшествах тонуть.

У Лилля есть характер и свои устои.
И, вынеся былых завоеваний груз,
Он изобилен, щедр и внутренне спокоен.
Фламандец в древности, ну а сейчас – француз.

И департамент Нор-Па-де-Кале гордится
По праву тем, какую он играет роль
Во Франции, в Европе... Что в его столице
Родился Шарль Андрé Жозéф Мари́ де Голль.

Чтоб, напитавшись сразу атмосферой Лилля,
Достоинство его хранить в себе всегда.
Для Франции любимой не жалеть усилий,
И убережь её от жгучего стыда.

Эмблемой стать борьбы и стойкости французов,
Стереть покорности бесславленную печать,
И Францию однажды наравне с Союзом
Короной доблестной победы увенчать.

АПРЕЛЬ В ДЕНЖИ-АН-ВУАЖ

В России снег и холод, пишешь ты,
Ломают все намеченные планы.
А здесь давно магнолии цветы
Пьют по утрам осевшие туманы.

И ароматом сладостным пьянят,
К подножьям гор припавшую округу,
И травы изумрудные манят
К альпийскому ухоженному лугу.

Из облаков выныривает вдруг
Двойная радуга над быстрой Роной,
А ветер свеж и радостно-упруг,
Играет пышной невысокой кроной.

Случайно обрывает лепестки
И засыпает землю словно снегом,
И без ресниц забавные цветки
Таращатся испуганно с побегов.

Возможно, их пугают холода
В далёкой и загадочной России,
Где много-много снега и всегда
Земля подолгу спит в анестезии.

И даже пробудившись после сна,
Ворочается, сразу не вставая.
Но как же притягательна она!
Её просторы... Тайна вековая...

ЗАВЕТ ЛЮБВИ И КРАСОТЫ СЕРДЕЧНОЙ

(мини-поэма)

* * *

Стремительно меняется Россия
С жестокой сменой курсов и дорог,
То падая без воли и без силы,
То избавляясь от земных тревог.

И зачастую на душе мрачнее
Становится, и тяжелеет взгляд.
Лишь Спасского заветные аллеи
По-прежнему пленяют и манят.

И бесконечно просветлённым взором
Окидываю дом и сад, и пруд.
На ветке дуба двухсотлетний ворон
Здесь сторожит течение минут,

Когда скользят причудливые тени
Созданий гениального ума,
И в окруженье героинь – Тургенев,
И над тропой – мерцающий туман.

И слышен шёпот тихий и невнятный –
Листва шумит иль чей-то разговор?
И ароматы чабреца и мяты
Благоуханьем наполняют двор.

И верится без всяческих сомнений,
Что так же будет через триста лет,
Что Спасское для новых поколений
Убережёт Тургенева завет.

Завет любви и красоты сердечной,
Пленяющей, печальной красоты,
Когда едино – краткий миг и вечность,
И в каждом слове Спасского черты.

* * *

Усадьба упала подковой
Среди живописных земель.
Досталась девице толковой
В наследство. Поближе к зиме
Заехал в именье красавец
И жизнь навсегда изменил.
Помчались семейные сани –
Звени, колокольчик, звени!
Звени! Возвещай всей России
О будущей славе её.
Рождения младшего сына
В имении барыня ждёт.
Она и не предполагает
Его нестандартной судьбы.
На кухне пекут расстегаи
И солят в кадучках грибы.
Так было вчера и сегодня,
Дел много – таких ли, иных...
Для пущего лада в угодьях
Секут иногда крепостных.

Жизнь эта – бродильные дрожжи,
Закваска таланта, ума,
Что в сыне проявятся позже
И примут всемирный размах.

* * *

– У барыни сын родился.
– Да мне от того не легче.
Дымок разговора вился
Вокруг загудевшей печи.

И печь соглашалась гулко,
Утробой ворча натужно.
Горшочек с похлёбкой булькал,
Поддакивал добродушно.

– Варваре Петровне трудно
Порой угодить бывает.
Ей часто волною мутной
Свет белый перекрывает.

Тогда берегись обслуга,
Пороть будет даже сына.
Реви, не реви белугой,
Давай, подставляй-ка спину.

* * *

Спасское! Сколько отрады
Трепетной юной душе.
Строгий порядок, а рядом –
Дети крестьян в шалаше.

Можно сбежать от опеки
В мир немудрёно простой,
Взглядом всевидяще-цепким
Впитывать жизни устой.

Ветка вдруг станет свистулькой,
Звуки прорежутся в ней,
Будет то ль тетерев булькать,
То ли звенеть соловей.

Множество разных мелодий
В быте крестьянском живут,
В творчество тихо восходит
Магия этих минут.

Магия иволг, кукушек...
Магия вьющихся пчёл
Над переспелой грушей,
Что липким соком течёт.

Память запрячет в сусеки
Пруд и аллею, и дом,
Разных окрестных соседей...
Пустит в рассказы потом.

* * *

Как много страсти и волнения
В желании всё познавать,
Когда уехал из имения,
И не прикрикнет строго мать.

Забавы юности известны,
Диктует жизнь их и года.
На встречу с девицей прелестной
Сходить нелишне иногда.

Чтобы забыть о ней назавтра,
Отдавшись прелестям наук,
И языки учить азартно,
И новый заказать сюртук.

На свежей побывать премьере,
О Байроне поговорить,
Его последовав примеру,
И самому начать творить.

Но снова дни в плену инерций,
Театры, встречи визави...
Пристрастий множество, а сердце
Живёт предчувствием любви.

* * *

Любовь. Кто может ей сказать – явись!
Она восходит заревом рассветным
И в одночасье изменяет жизнь,
Вдруг наделив сокровищем несметным.

Врывается в томительные дни
Любовь, как луч из глубины столетий,
Как маяка заветного огни,
Манящего в грядущее бессмертье.

Любовь влечёт к избраннице одной,
К ней направляет все свои дороги,
И напоив отравой хмельной,
Ей источает пылкие восторги.

И чем любимая наделена,
Красавица, дурнушка – всё едино,
Когда вдруг сердце дрогнуло – она!
Великая любовь непобедима!

* * *

Старинный замок под замшелой крышей,
Вокруг – каналы с тихой водой.
Лишь временами скрип уключин слышен...
Тургенев и Полина Виардо
В Куртав(е)неле. Им приносит ветер
Благоухание лесов, полей,
Пейзаж вокруг изящен и приветлив,
Над цветником – жужжание шмелей.
Рояля звуки. Сильный, страстный голос
Колдует, тянет в свой водоворот...
Короткий миг, и время расколосось –
Не изменить судьбу, не побороть.
Любовь и творчество, восторг и песня
Переплелись узлом – не развязать.
Охотничьими тропами известность
Приходит в жизнь. Охотничий азарт
Преображает из пустой забавы
Писательство за несколько недель,
И колыбелью новой русской славы
Становится тогда Куртав(е)нель.

О ПАРИЖЕ И НЕ ТОЛЬКО

Когда я писала стихотворение о Париже, ещё не случилось ни «жёлтые», ни «чёрные» жилеты. И собор Нотр-Дам был цел, а витрины бутиков на Елисейских полях не закрывали фанерой и не заколачивали досками в преддверии выходных. Вроде всё было обыденно, и всё же меня посетило ощущение некоторой неухоженности. Возможно, побывав перед этим в совершенно очаровательных городках Анси и Дижон, я ожидала от Парижа чего-то более чудесного. Возможно.

Прочтя моё стихотворение, одна наша поэтесса кричала в ажиотаже: «Ты ничего не знаешь о Париже! У тебя поверхностный взгляд! Увидела крыс и считаешь, что имеешь право писать о Париже!» и т. д. В молодости она побывала во Франции и на всю жизнь сохранила благоговейный пиетет перед её столицей. Впрочем, у многих моих земляков наблюдается по инерции подобный пиетет и преклонение перед всем западным.

В ответ на это могу только положиться на мнение французов, которые говорят, что раньше Париж был иным. И рассказывать могу лишь о собственных впечатлениях и ни в коем слу-

чае не претендую на абсолютное знание, скорее наоборот. Чем больше расширяется сознание, тем острее видишь, насколько ограничен круг твоих познаний. Ещё Сократ (по другой версии Демокрит) сказал: «Чем больше я знаю, тем больше я понимаю, что ничего не знаю». Впрочем, вернёмся в Париж.

В первый день мы шли к Эйфелевой башне (гостиница, кстати, находилась в шаговой доступности), чуть ли не по щиколотку проваливаясь в песок и пыль. Вдоль тротуара «французы» африканского происхождения предлагали купить разную сувенирную мелочьку, расположив её на брезентовых полотнищах, которые одним движением сдёргивались в мешки и уносились на плечах при малейшем подозрении на появление полиции. Я тогда подумала, что именно мигранты на подошвах своей обуви принесли в Париж песок пустынь Африки.

А Марсово поле произвело вообще удручающее впечатление. Вытоптанный газон, на котором кучками сидят экскурсанты, поедающие фастфуд и особо не заморачивающиеся необходимостью уборки за собой. Эта картинка совсем не вязалась с фотографиями на входе, где изображалось вроде бы это же Марсово поле, но во всём его великолепии. Меня завели, что именно таким оно было раньше.

И только мост Александра III выделялся реставрационной новизной на фоне запущенности всех остальных мостов через Сену. Поразило, что это уникальное строение с великолепным декором, включающим диковинные орнаменты, ангелов, фантастических животных, выстроившихся вдоль всего моста фонарей, украшением которых служат мастерски выполненные русско-французские вензеля и гербы, было завершено всего за три года. На табличке выбиты даты 1897–1900. Забавно, что на торжественной церемонии открытия моста, в основание которого первый камень был заложен Николаем II, играли Марсельезу, ставшую позже гимном революционеров. И это служит лишним подтверждением того, что мост был и остаётся символом связей между Россией и Францией.

Стоя на этом мосту и ощутив, как постепенно истончается завеса между прошлым и настоящим, я неожиданно сказала племяннице: «Похоже, России снова придётся спасти Европу». На что та ответила: «А оно ей нужно?». Да, конечно не нужно, но, по-видимому, у России судьба такая – спасая себя, спасать других. Так было в годы Великой Отечественной войны, когда Россия спасла весь мир от коричневой чумы, просто защищая себя от неминуемой гибели.

Сейчас мы наблюдаем, что моя страна пока ещё не спасла себя, а всего лишь остановилась на краю пропасти, в которую её усиленно пытаются столкнуть так называемые «партнёры». У них есть ощущение внутреннего превосходства и это их консолидирует. Подобное единение напоминает единение стаи гиен, которая нацелилась на крупную добычу и гонит её до тех пор, пока та не ослабеет. Понимают они только силу, и России необходимо быть сильной, чтобы не стать просто кормовой базой, каковой стала уже не одна страна. А разговоры о гуманизме и демократии всего лишь словесная завеса, прикрывающая истинные цели.

Главное, чтобы Париж помнил, что как сказал однажды Юрий Кузнецов в своём стихотворении о Франции:

*«...Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто».*

Я искренне надеюсь, что и Россия и Франция справятся со своими проблемами и будут жить в мире безопасном не только для наших, но и для всех остальных стран. А разруха и раздор перестанут витать над Парижем.

Я надеюсь.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия – лирический дневник.....	3
«Легче дышится, легче пишется...».....	8
«Застилала матушка пол кугой на Троицу...».....	9
«Яблоки под сеном в дедушкином доме...».....	10
«Дети по свежему снегу...».....	11
«Память, память, вновь подружкою...».....	12
«Как стали мне сейчас близки...».....	14
Рождественский сочельник.....	15
«Музыка...».....	16
«Всё в музыке твоей и тайна и полёт...».....	17
«В судьбе России – музыка гармоней...».....	18
«Покажи мне сегодня город...».....	19
«Стрелка Орлика и Оки...».....	20
Приглашение в Орёл.....	21
«В деревне Безобразовке – чудесные места...».....	23
«Возвращайся в Орёл, здесь сиреневый май...».....	24
«Картину дня укрась душистой розой...».....	25
«Ну и что бы ты делал с простою?».....	26
«Лелея зёрнышко мечты...».....	27
«Мимолётная встреча...».....	28
Диалог.....	29
«Всё это было, было, было...».....	31
27 января 2019 года.....	32
Дыхание времени.....	34
Из века в век в сиянии святом.....	36
С безвременьем наедине.....	38
«Не считали себя героями...».....	40
«Такие, верите, дела...».....	41
«В любом музее памяти страницы...».....	42
«Сметливые ребята сошлись тайком однажды...».....	43
У памятника воину-освободителю.....	44
Мать.....	46
Невольница.....	47
Плач с Днепровских берегов.....	49
«Ну, здравствуй, Харьков. Я рада встрече...».....	51

В дороге.....	52
«Так хочется верить, что может быть снова...».....	53
В соборе святого Павла в Лондоне.....	54
«Домов ухоженная сытость...».....	55
«Вновь стою на краешке обрыва...».....	57
На родине Шекспира.....	59
Дижон (по следам совы).....	60
«О, сколько песен спето о Париже!..».....	62
«Прости, Париж, но Лилль понравился мне больше...».....	63
Апрель в Денжи-ан-Вуаж.....	64
Завет любви и красоты сердечной (поэма).....	65
О Париже и не только.....	71

Антонина Сытникова

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

стихотворения

Книга публикуется в авторской редакции
Оформление обложки А.Л. Турбин
Технический редактор Т.А. Агапий
Вступительная статья И. Глебовой (Поляковой)

Бюджетное учреждение культуры Орловской области
«Орловский Дом литераторов»
302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1

Подписано в печать 10.05.2023 г. Формат 70х100/32.
Печать ризография. Бумага офсетная.
Усл.п.л. 3,09. Тираж 400 экз. Заказ № 156

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орёл, ул. 2-я Посадская, 26. Тел. (4862) 44-51-46
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru